

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ / THEORY AND METHODOLOGY

Пространственная конфигурация ключевых парламентских избирательных округов в Республике Корея в XXI веке

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120026255-1

Лукьянов Александр Иванович

Научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1). ORCID: 0009-0002-3388-7296. E-mail: lukmap@msn.com

Чернецкий Федор Михайлович

Лаборант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1). ORCID: 0000-0001-7086-8663. E-mail: fedor.mche@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.05.2023.

Аннотация:

В статье рассматривается электоральная конкуренция между ключевыми партиями в Республике Корея. Несмотря на своеобразие электоральной географии РК, наличие по сути двухпартийной системы и одномандатных избирательных округов позволяет анализировать конкуренцию на южнокорейских выборах с учетом опыта более изученных стран с аналогичной избирательной системой. В ходе исследования итогов парламентских выборов 2000–2020 гг. были определены стабильно колеблющиеся избирательные округа и факторы, определяющие высокий уровень конкуренции в них. Подавляющее большинство округов, контроль за которыми регулярно переходит от одной партии к другой, находится на севере страны — в Сеульском столичном регионе (Судогвон) и регионе Чхунчхон (включает в себя провинции Северная и Южная Чхунчхон). Высокая конкуренция наблюдается преимущественно в крупнейших городах данных регионов. Электоральная дифференциация городских агломераций сложна и подвержена влиянию множества факторов, анализируя которые, можно выявить ряд закономерностей. Значительная часть колеблющихся округов находится в переходных зонах между районами с высокой поддержкой кандидатов от консервативного лагеря (центр и дальняя периферия города) и их оппонентов (пригородная полупериферия). Основной фактор дифференциации — электоральный раскол между разными поколениями избирателей. В малых городах электорат основных партий взаимно уравновешивается, вследствие чего данные округа регулярно меняют партийную ориентацию. Некоторые избирательные округа в центре Сеула имеют особую значимость для обеих партий, поэтому в них традиционно баллотируются политические тяжеловесы, способные склонить колеблющийся электорат на свою сторону.

Ключевые слова:

электоральная география, Республика Корея, парламентские выборы, электоральная конкуренция, колеблющиеся избирательные округа.

Для цитирования:

Лукьянов А.И., Чернецкий Ф.М. Пространственная конфигурация ключевых парламентских избирательных округов в Республике Корея в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 3. С. 111–124. DOI: 10.31857/S013128120026255-1.

Особое внимание исследователей привлекают регионы с неустойчивыми политическими предпочтениями электората. Их изучение дает представление о ключевых

трендах политической жизни общества. Кроме того, от результатов голосования именно в этих регионах нередко зависит исход выборов. Поэтому в странах, где избирательная система содержит мажоритарную составляющую, особенно важны те ее части, где регулярно наблюдается минимальный разрыв между кандидатами.

На президентских выборах в США существует понятие «колеблющиеся штаты» (swing states) — штаты, в которых ни у одного из кандидатов нет однозначной поддержки. Именно в таких штатах, например в Мичигане и Пенсильвании, решается исход выборов, поэтому в них повышена активность кандидатов, они лидируют по тратам на избирательные кампании, к ним приковано внимание ведущих СМИ и электоральных аналитиков¹.

На парламентских выборах, использующих мажоритарную систему с одномандатными избирательными округами, существуют подобные колеблющиеся округа (swing constituencies), где нет устойчивого доминирования того или иного кандидата или партии. Некоторые избирательные округа (ИО) находятся в состоянии повышенной конкурентности всего несколько электоральных циклов, другие же стабильно демонстрируют высокие показатели на протяжении десятилетий. Существует множество исследований, посвященных изучению колеблющихся округов на выборах в США, Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Последняя, благодаря британскому политическому географу Р. Джонстону, стала одним из основных объектов для исследований по электоральной географии². Данный феномен присутствует и в других странах, но исследования по ним крайне редки. Из последних можно выделить работы по колеблющимся округам в Германии, Индии и Гане³.

Современная партийная система в Республике Корея (РК) близка к двухпартийной. Представители основных политических лагерей, традиционно условно именуемые консерваторами и либералами, получают 80–98 % мест в парламенте страны, избираемых посредством мажоритарной системы (рис. 1). Конкретные партии, представляющие данные политические лагеря, регулярно меняют свои названия, претерпевают расколы и объединения, распускаются и создаются вновь. Миноритарные партии активно участвуют в выборах, но редко получают значительную долю мандатов, а успехов достигают лишь локально⁴.

У каждой из двух основных партий есть регионы, где их электоральная поддержка повышена и безальтернативна, однако есть и районы, где однозначного преобладания симпатий ни к одной из них нет. Именно в избирательных округах, расположенных в таких районах, решаются результаты выборов. Цель настоящего исследования —

¹ Beachler D.W. et al. Presidential Swing States: Why Only Ten Matter. Lanham: Lexington Books, 2015. P. 390.

² Johnston R.J. Changing Voter Preferences, Uniform Electoral Swing, and the Geography of Voting in New Zealand, 1972–1975 // *New Zealand Geographer*. 1981. No. 1 (37). Pp. 13–18. DOI: 10.1111/j.1745-7939.1981.tb00934.x

³ Tantri P.L., Thota N. Effective Democracy and Swing Voters: Evidence Based on Actual Voting Records // *Indian School of Business Research Paper Series*. 2015. 39 p.; Baskaran T., Hessami Z. Political alignment and intergovernmental transfers in parliamentary systems: Evidence from Germany // *Public Choice*. 2017. No. 171. Pp. 75–98. DOI: 10.1007/s11127-016-0398-4; Shaukat M. Too close to call: electoral competition and politician behavior in India // *Working Papers*. Department of Economics, MIT. 2019, 67 p.; Asekere G. The Dynamics and Complexities of Voter Choices in Ghana: A Perspective of Most Populous Swing and Stronghold Constituencies // *The African Review*. 2022. No. 1 (49). Pp. 1–28. DOI: 10.1163/1821889X-bja10022

⁴ Андропова Л.А. Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея // *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности*. Исторический факультет ТГУ. Изд-во Томского университета, 2015. С. 84–92. DOI: 10.17223/9785751123666/7

выявить стабильно колеблющиеся округа в Республике Корея и установить причину высокого уровня конкуренции в них.

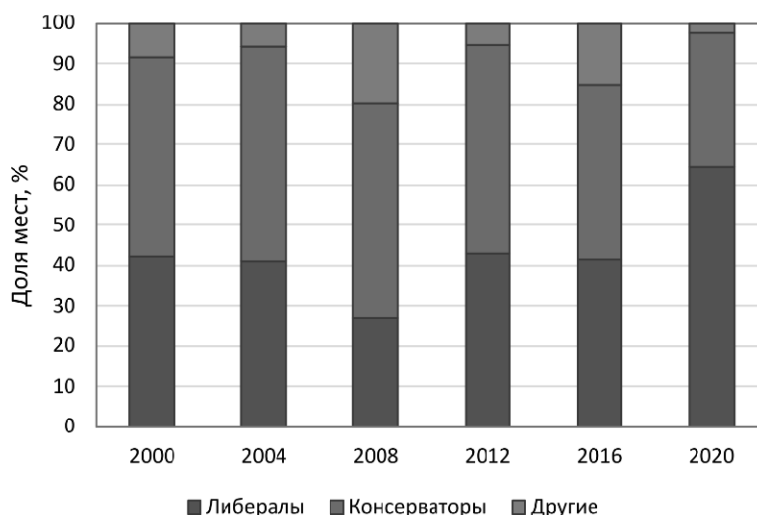

Рис. 1. Доли мест, полученных партиями в одномандатных округах в 2000–2020 гг.

Figure 1. Share of seats won by parties in single-member constituencies in 2000–2020

Источник: составлено авторами по данным Republic of Korea. National Electoral Commission [Республика Корея. Национальная избирательная комиссия РК]. URL: <https://www.nec.go.kr/site/nec/main.do#> (дата обращения 02.03.2023).

Большая часть работ по электоральным процессам в РК исследует специфический политический регионализм, тогда как другие темы затрагиваются значительно реже. При этом, т.к. основное проявление южнокорейского регионализма — тотальная поддержка электоратом в нескольких регионах страны «своих» партий/кандидатов, сам феномен определяет лишь конфигурацию политической системы и электоральных расколов, но не исход выборов. Результаты голосований в районах, подверженных регионализму, можно предсказать заранее, от выборов к выборам электоральные предпочтения местных избирателей качественно не меняются, то есть колебаний от одной партии к другой здесь не происходит. Следовательно, колеблющиеся избирательные округа, вероятно, находятся вне данных регионов.

Южнокорейский контекст

Основа электоральных процессов и партийной системы РК — политический регионализм. Он имеет сложный генезис и историю развития, относительно которых есть несколько основных гипотез⁵. Согласно первой, регионализм — наследие существовавшего в первом тысячелетии н. э. деления Корейского полуострова на три государства: Когурё, Силла и Пэкче. Исследователи указывают, в частности, на дискриминацию выходцев с территории Пэкче, которая позднее проявилась в повышенной протестности и

⁵ Чернецкий Ф.М. Регионализм как ключевой фактор в электоральных процессах в Республике Корея // Вестник российского корееведения. 2022. № 13. С. 67–81.

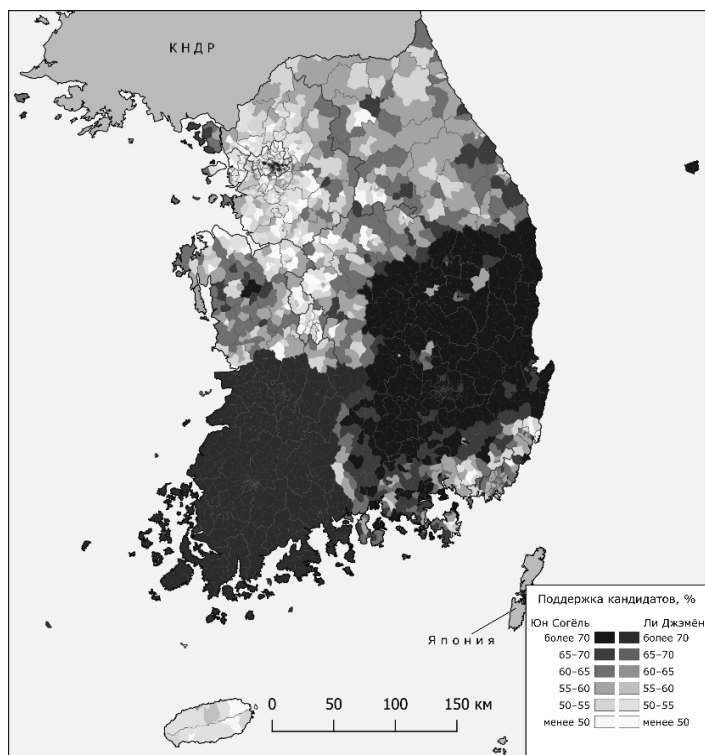

Рис. 2. Результаты президентских выборов в РК 2022 г.

Figure 2. Results of the presidential elections in RoK, 2022

Источник: составлено авторами по данным Republic of Korea. National Electoral Commission [Республика Корея. Национальная избирательная комиссия РК]. URL: <https://www.nec.go.kr/site/nec/main.do#> (дата обращения 02.03.2023).

сплоченности местных жителей, впоследствии ставших консолидировано голосовать за местных политиков и партий⁶.

Другая гипотеза не отрицает первую, однако, согласно ей, более значимую роль в проявлении и формировании регионализма в нынешнем виде играет неравномерное экономическое развитие РК во второй половине XX в. После военного переворота 1961 г. к власти пришел генерал Пак Чонхи, осознанно поощрявший рекрутирование на ключевые должности выходцев из Кёнсана — своего родного региона. В бизнес-элите, как и бюрократическом, и военном руководстве, также доминировали выходцы из юго-восточных провинций РК, тогда как представители других регионов, особенно Чолла, к ключевым постам допускались значительно реже⁷.

Следствием такого неравенства в представительстве стала экономическая дискриминация Чолла, в результате заметно отставшей в экономическом развитии. Большая часть промышленных комплексов находилась в Сеульском столичном регионе и Кёнсане. В Чолла местные политические и бизнес-элиты, профсоюзы, религиозные лидеры и ак-

⁶ Yea S. Maps of resistance and geographies of dissent in the Cholla region of South Korea // *Korean Studies*. 2000. No. 24. Pp. 69–93. DOI: 10.1353/ks.2000.0020

⁷ Kim W.B. Regionalism: Its origins and substance with competition and exclusion // *Korea Journal*. 2003. No. 2 (43). Pp. 5–31.

тивисты объединялись для сопротивления политике национальных властей и для развития региона, однако большая часть их проектов не была реализована⁸.

Ощущение «выключенности» из модернизации, репутация «протестного региона», сплоченность местных элит и электората привели к консолидированному голосованию большинства избирателей в Чолла за своего кандидата (Ким Дэджуна) на выборах 1971 г. Усилило регионализм жестокое подавление восстания в Кванджу (столица Чолла) в 1980 г. Впоследствии регион стабильно поддерживал Кима на всех выборах, вплоть до его победы в 1997 г. Тогда в Кванджу его поддержало 97,3 % избирателей.

Два основных политических лагеря в РК сформировались вокруг региональных элит Чолла и Кёнсана, поэтому в последнем консерваторы, отчасти наследующие Пак Чонхи, Чон Духвану и Ро Дэу, получают почти такую же высокую поддержку, как и либералы в Чолла. Аналогичная консолидация электората произошла и в регионе Чхунчхон, политики из которого, однако, не смогли удержать на плаву свой независимый проект и были кооптированы двумя основными партиями⁹. Данный региональный раскол сохранился почти в том же виде до сих пор. На президентских выборах 2022 г. два основных кандидата получили подавляющее большинство голосов избирателей в «домашних» регионах своих партий (рис. 2), хотя сами не были выходцами из них.

Избиратели в северной части страны (Сеульский столичный регион, Чхунчхон, Канвондо) и на Чеджудо обычно вынуждены выбирать между двумя партиями, укорененными в южных регионах страны, выборы в которых редко бывают конкурентными. Исход голосований решается в северных регионах, где проживает большинство населения и откуда избирается большинство депутатов. Некоторые из них, в отличие от своих однопартийцев в Чолла и Кёнсане, участвуют в крайне конкурентных избирательных кампаниях.

Материалы и методы

Для выявления районов повышенной электоральной конкуренции и определения стабильно колеблющихся избирательных округов в Республике Корея использовались данные о результатах парламентских выборов 2000–2020 гг. В данный период прошло шесть голосований, причем каждая из двух основных партий победила на трех из них (рис. 1). Партии в совокупности набрали примерно равное количество голосов избирателей и мест в парламенте, что упрощает анализ. Включение в исследование предыдущих выборов дало бы сильный перевес консерваторам, к тому же выборы 1990-х гг. — иная эпоха в южнокорейской политике.

Основную трудность для анализа представляют изменения в сетке нарезки одномандатных округов от выборов к выборам вследствие изменения численности населения некоторых районов. Поэтому сложно соотнести границы округов на выборах, например, 2000 и 2020 гг. Некоторые ИО, существовавшие в начале исследуемого периода, в 2010-х гг. были объединены, а иные появились лишь в 2008 или 2016 г.

Для решения этой проблемы были взяты данные о результатах голосований на более дробном уровне административного деления: в городских кварталах (동), уездных городах (읍), волостях (면). Далее эти 3,5 тыс. административных единиц были объединены по районам, в пределах которых не происходило изменений границ ИО. В итоге появилась возможность сопоставлять результаты выборов разных лет, используя единую

⁸ Gimm D.W. Fracturing Hegemony: Regionalism and State Rescaling in South Korea, 1961–71 // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. No. 4 (37). Pp. 1147–1167. DOI: 10.1111/1468-2427.12002

⁹ 김욱: 충청 지역주의의 역사적 발전과정과 특성 [Ким Ук. Исторический процесс развития и характеристика Чхунчхонского регионализма] // *정치정보연구*. 2007. No. 2 (10). Pp. 117–134.

сетку ИО. Полученная сетка из 328 единиц дробнее тех, что использовались на выборах, где количество ИО менялось с 227 до 253, т.к. она учитывает появление новых округов, сохраняя упрямые.

При использовании данного метода возникает одно заметное искажение. Часть ИО в итоговой сетке можно назвать воображаемыми, т.к. они могли существовать в 2000–2008 гг., а в 2012–2020 гг. войти в состав другого ИО, однако уровень конкуренции в них анализируется так же, как и в других округах, существовавших весь исследуемый период. То есть отчасти теряется смысл получаемых результатов, касающихся, впрочем, небольшой группы подобных ИО.

Измерение уровня конкуренции сразу на нескольких выборах имеет смысл при сопоставлении результатов двух основных партий. Иногда в некоторых округах независимые политики или кандидаты от миноритарных партий занимают первое или второе места, однако их участие в выборах эфемерно, поскольку ограничено одним-двумя электоральными циклами и практически не значимо в рамках длительного периода.

Другой подход предполагает анализ общей конкурентности, то есть учет всех участников выборов или только двух сильнейших (вне зависимости от партийной принадлежности), что сокращает набор инструментов анализа, оставляя возможность использования лишь количественных методов и снижая точность результатов. Еще один путь — анализ конкуренции не между партиями, а между партийными лагерями. Данный метод учитывает наличие миноритарных партий, близких к двум основным, суммируя их результаты с «материнскими» партиями. Однако такой подход крайне субъективен, ибо результаты сильно зависят от взглядов конкретного исследователя, решающего причислить ту или иную партию/кандидата к одной из двух групп. Невозможно однозначно определить, куда отнести беспартийных кандидатов или разные центристские проекты, например «Народную партию» Ан Чхольсу или партии чхунчонских регионалистов.

Для измерения электоральной конкурентности ИО можно использовать как качественные метрики, так и количественные. Первые учитывают качественные изменения, то есть число побед каждой из партий в округе и количество колебаний между ними. Количество побед партии может принимать значения от нуля до шести включительно. Если одна партия победила в округе пять-шесть раз из шести, его нельзя считать конкурентным; при четырех победах ИО можно отнести к умеренно/потенциально конкурентным; паритет (равное количество побед) достигается в конкурентных округах.

Однако при паритете может быть ситуация, в которой округ в 2000–2008 гг. склонялся к консерваторам, а в 2012–2020 гг. — к либералам. Такой ИО изменил партийную ориентацию лишь один раз, поэтому его нельзя отнести к стабильно конкурентным. То есть следует учитывать не только число побед каждой партии, но и количество колебаний избирателей между ними.

Другую проблему решает использование количественной метрики. ИО мог не колебаться ни разу, однако разрыв между основными кандидатами мог каждый раз составлять всего два процентных пункта, например 51 % против 49 %. В таких условиях округ можно считать конкурентным, поскольку оппозиционной (в данном округе) партии необходимо приложить относительно немного усилий, чтобы преодолеть столь небольшое отставание. В таком округе, вероятно, будут повышенные затраты на агитацию, а кандидатами могут выступать политические тяжеловесы, способные склонить колеблющийся электорат на свою сторону.

В качестве количественной метрики возьмем разницу между средними за весь период долями голосов избирателей, полученными кандидатами от двух основных партий. Будем считать конкурентным округ, если средний разрыв между партиями составляет менее 5 п. п., умеренно конкурентным при разнице в 5–10 п. п. и неконкурентным при среднем разрыве более 10 п. п.

Эти метрики можно использовать по отдельности, однако у каждой из них есть существенные недостатки, которые можно исправить, комбинируя все 2–3 переменные. Итоговая конкурентность ИО была определена через матрицу, у которой по вертикали отложены количественные показатели конкурентности, а по горизонтальной — качественные (рис. 3).

Разница в электоральной поддержке		Количество колебаний			
		Количество побед			
		3x3	2x4	1x5	0x6
		Конкурентные	Умеренно/ потенциально конкурентные	Неконкурентные	
Разница в электоральной поддержке	<5 п.п.	Конкурентные	27 14* 8	6	10
	5–10 п.п.	Умеренно/ потенциально конкурентные	3 0	25	36
	>10 п.п.	Неконкурентные	7	7	185

Рис. 3. Матрица конкурентности избирательных округов
Figure 3. Matrix of electoral districts competitive

Источник: составлено авторами.

Отнесем округ к неконкурентным (серый цвет), если он неконкурентен по одной из метрик (количество побед партий или разница в электоральной поддержке), а по другой относится к группе умеренно конкурентных или неконкурентных. Аналогичным образом выделим конкурентные округа (темно-зеленые), сделав поправку на количество колебаний ИО между партиями. Округа, по двум основным показателям относящиеся к конкурентным, не менявшие партийную ориентацию ни разу (<1 колебания), перенесем в группу умеренно конкурентных. Подобных случаев в получившейся матрице 14 из 328, восемь из которых конкурентны по обоим метрикам, а в шести средний разрыв между партиями менее 5 п. п., но соотношение их побед 2: 4. Остальные сочетания также отнесем к умеренно конкурентным (светло-зеленые). В данной переходной зоне множество сложных случаев, которые нельзя однозначно отнести к той или иной группе и следует рассматривать отдельно, что выходит за рамки данного исследования.

Результаты исследования

Согласно полученной матрице (рис. 3), к конкурентным относится 44 (13 %), к умеренно конкурентным — 56 (17 %), а к неконкурентным — 228 (70 %) избирательных округов. Такой результат вполне закономерен, т.к. в большинстве районов РК электораль-

ные предпочтения избирателей стабильны, особенно в Чолла и Кёнсане, подверженных регионализму.

Рассмотрим распределение ИО разных типов по территории страны (рис. 4). В южных регионах конкурентные округа практически отсутствуют, лишь в окрестностях Пусана и на Чеджудо есть по одному умеренно конкурентному округу и один (в Кёнсане) конкурентный. Как и предполагалось, выборы в Чолла и Кёнсане безальтернативны, а 75 % конкурентных и 67 % умеренно конкурентных округов находится в Судогвоне.

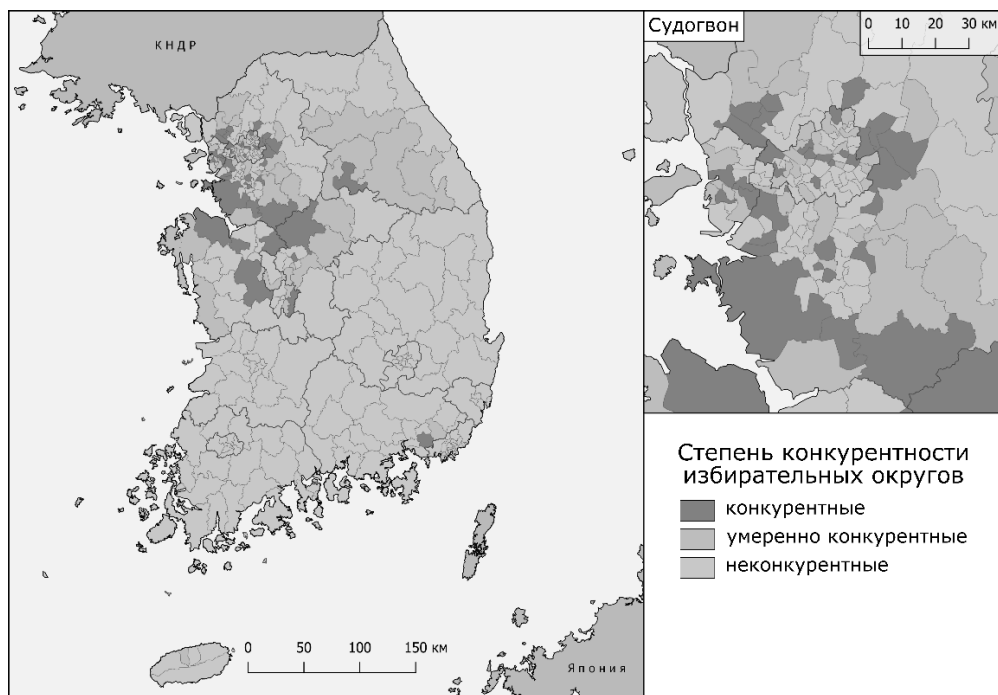

Рис. 4. Колеблющиеся округа на парламентских выборах в РК в 2000–2020 гг.

Figure 4. Swing parliamentary constituencies in the RoK, 2000–2020.

Источник: составлено авторами.

Не все округа в Судогвоне, Чхунчхоне и Канвондо конкурентны, большая часть колеблющихся районов сосредоточена в крупнейших городах данных регионов. Электорат в периферийных округах имеет устойчивые электоральные предпочтения из-за второго по значимости для южнокорейской политики электорального раскола после регионального.

Раскол на левых и правых, либералов и консерваторов проходит не только по границам Чолла и Кёнсана, но и между разными поколениями южнокорейского электората. Избиратели старших возрастов, родившиеся в первой половине XX в. и помнящие колониальный период, военные годы и послевоенную нищету, поддерживают консерваторов, отчасти наследующих партиям власти времен правления военных, при которых — усилиями данного поколения — страна пережила стремительную индустриализацию и бурный экономический рост. Эту группу избирателей иногда называют «поколением индустриализации».

Противоположных электоральных предпочтений придерживается следующее поколение — т.н. «поколение 386». Его представители родились в 1960–1970-х гг. (отсюда цифра «6» в названии), были студентами, участвовавшими в демократических движениях и протестах 1980-х гг. (цифра «8»), а в 1990-х гг. достигли 30-летнего возраста

(цифра «3»), когда и появился данный термин. Сейчас их иногда называют «поколение 586», т.к. значительная его часть уже достигла возраста 50 лет¹⁰.

Данная когорта избирателей росла в условиях быстрого улучшения уровня жизни и динамичного экономического роста, которые она, не имея собственных воспоминаний о состоянии страны до 1970-х гг., воспринимала во многом как нечто естественное. Проблемой этого поколения были уже не нищета или война, а ограничения гражданских свобод, ассоциировавшиеся с правлением военных. Поэтому «поколение 586» характеризуется повышенной поддержкой наследников оппозиции тех лет — либерального лагеря.

Младшее поколение, представители которого еще не достигли 40 лет, не имеют подобных однозначных и устойчивых электоральных предпочтений. Оно возросло уже в условиях демократизации и ослабления региональной дискриминации, вследствие чего в меньшей степени, чем старшие, поддерживает две основные партии и реже голосует, исходя из регионального принципа. Среди молодого электората повышена доля колеблющихся избирателей, голосующих то за одну партию и ее кандидатов, то за другую. Особенно высока его доля в районах, не подверженных регионализму, т.к. часть молодых избирателей в Чолла и Кёнсане все-таки голосует, исходя из регионального принципа¹¹.

Вес данного поколения в электорате растет, тогда как численность старших возрастных когорт постепенно сокращается. В начале исследуемого периода наиболее молодым было «поколение 586», а доля 20–25-летних избирателей, только получивших право голоса, была незначительна. Сейчас оно все еще меньше, чем два других, но их электоральные веса уже сопоставимы.

Особенно высока доля пожилого электората из «поколения индустриализации» на периферии, в депопулирующей сельской местности, откуда молодежь предпочитает уезжать в крупные города. По этой причине сельские и мелкогородские округа в Канвондо, на периферии Чхунчхона и Судогвона крайне консервативны и неконкурентны (на рис. 4 области северной части РК, закрашенные серым).

Внутри городских агломераций электоральная дифференциация сложнее и объясняется большим набором факторов. Рассмотрим несколько типовых случаев колеблющихся округов:

Тип I. Лучший пример для демонстрации — Инчхон — один из крупнейших городов страны, расположенный в Судогвоне. Основной фактор электоральной дифференциации в нем — возрастной раскол. Самая большая концентрация избирателей из «поколения индустриализации» наблюдается на периферии (уезды Канхвагун, Онджингун) и в центре города (Чунгу, Тонгу, Намгу) — именно эти районы демонстрируют высокий уровень поддержки консерваторов. Электорат, принадлежащий к «поколению 386», преобладает на пригородной полупериферии в районах Кянгу, Согу и Пупхёнгу.

Концентрация молодых избирателей высока в переходной зоне между старым центром и полупериферией (Намдонгу, южные части районов Согу и Пупхёнгу). В этой же переходной зоне находятся наиболее конкурентные избирательные округа (рис. 4). Некоторые из них почти целиком расположены в области повышенной электоральной конкуренции, некоторые включают в свой состав части консервативного центра или либеральной полупериферии, что может сдвигать данные ИО в группу умеренно конкурентных.

Тип II. Таким же образом дифференцировано электоральное пространство некоторых других крупных городов севера страны, например Сувона, Тэджона, Чхонджу и

¹⁰ Park J. The Conservatization of the 386 Generation: Cohort Effects in Voting Behavior of a Political Generation in South Korea. Sanford School of Public Policy, Duke University, 2011. P. 63.

¹¹ Demographics and the Future of South Korea // *Carnegie Endowment for International Peace*. June 29, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/29/demographics-and-future-of-south-korea-pub-84817> (дата обращения: 27.07.2021).

Кояна. Эти города по численности населения в 2–3 раза меньше Инчхона, поэтому относительный размер ИО для них выше. Местные округа редко целиком помещаются в пределах центра или полупериферии и состоят зачастую из районов с противоположными электоральными предпочтениями. В центрах данных городов перевес все-таки в сторону консерваторов, поэтому соответствующие округа умеренно конкурентные, тогда как их соседи — колеблющиеся.

Тип III. В городах меньшего размера (300–600 тыс. чел.) обычно существует всего два избирательных округа. Если в административный состав города входит сельская периферия, округ, включающий ее в свой состав, конкурентным не является. Если же административные границы примерно соответствуют границам города, неконкурентный округ обычно содержит обширные либеральные пригороды. Второй округ в обоих случаях чаще всего включает в себя как консервативный центр и часть либеральной полупериферии, так и переходную между ними колеблющуюся зону, вследствие чего обычно конкурентен. К данному типу относятся округа Чхонана, Асана, Вонджу и Пхёнтхэка.

Тип IV. В малых городах (200–300 тыс. чел.) границы избирательных округов совпадают с административными, т.к. численность их населения примерно соответствует стандартному размеру ИО. Такие округа обычно колеблющиеся, т.к. включают и центры городов, и сельскую местность, суммарно компенсирующие либерализм небольших пригородов. К ним относятся некоторые города-округа периферии Судогвона, например Ансон и Танджин.

Тип V. Электоральное пространство Сеула и его ближайших городов-спутников выглядит сложнее. Так, в Сеуле отсутствует устойчиво консервативный центр, полупериферия характеризуется мозаичностью (районы и кварталы с противоположными электоральными предпочтениями соседствуют), в ряде мест наблюдаются электоральные аномалии, связанные с университетскими кампусами или перестройками районов.

Еще одна электоральная аномалия локализуется в районе Каннам и связана она не столько с преобладанием пожилых избирателей в округе, сколько с историей самого района. Каннам возник как новый район на юге Сеула в 1970–1980-х гг. В тот же период была проведена образовательная реформа, в результате которой город был поделен на несколько школьных округов. Переезд в Каннам нескольких лучших школ города обеспечил необходимость сеульскому верхнему среднему классу, дети представителей которого обучались в данных школах, переехать в новый район. Тогдашняя городская элита состояла преимущественно из менеджеров крупных компаний (чеболей), чиновников и прочих представителей власти, что предопределило ориентацию местного электората на правящую партию тех лет и ее наследников в лице нынешнего консервативного лагеря. Постепенно был сформирован образ Каннама как дорогого и преуспевающего района, что в сочетании с принципиально новым для Кореи типом застройки района (многоэтажным), активными спекуляциями недвижимостью и образованием закрытых сообществ («gated communities») создало у местных жителей сильную локальную идентичность, одним из проявлений которой была поддержка правых политиков и партий¹².

В историческом центре Сеула существует несколько небольших стабильно консервативных кварталов, которые не формируют однородных консервативных районов, а их влияние нивелируется значительной массой колеблющегося электората, проживающего по соседству. Располагаясь эти ИО в другой части города, они бы были умеренно консервативными, а не колеблющимися — центральное положение не только в рамках города, но и всей страны, делает данные округа особенно значимыми. Здесь (округа Чонногу, Чунгу,

¹² Чернецкий Ф.М. Gangnam Style: роль локальной идентичности в электоральном поведении жителей Каннама (Сеул) // *Городские исследования и практики*. 2022. № 2 (7). С. 71–86. DOI: 10.17323/usp72202271–86

Содэунгу, Тонджакгу) от обеих партий регулярно баллотируются политические тяжеловесы, претендующие на статус лидеров. Например, некогда в округе Чонногу баллотировались Но Мухён и Ли Мёнбак, ставшие впоследствии президентами. В 2020 г. за депутатское место от этого ИО боролись бывшие премьер-министры Ли Нагён и Хван Гёан, в другие годы в выборах здесь участвовали Чон Сегюн, О Сехун, Пак Джин и Сон Хаккю.

В ряде соседних округов наблюдается похожая ситуация: в них баллотируются наиболее известные и популярные в стране или городе политики, телеведущие, юристы и бизнесмены (Чон Джинсок, На Гёнвон, Чон Дэчхоль, Чон Дуон, Ли Суджин, Пак Сонджун, Чон Донъён, Чон Монджун и др.), привлекающие в свои округа внимание и деньги с обеих сторон, делая их тем самым более конкурентными.

Тип VI. Наиболее сложный случай — колеблющиеся округа сеульской полупериферии: города Кимпхо, Кури, Ханам, Ыйджонбу, Сихын, Асан, Намъянджу и районы Сеула Тобонгу, Кансогу, Янчхонгу, Кванджингу. Они занимают примерно то же положение, что и колеблющиеся округа Инчхона, располагаясь между консервативными центрами и периферией с одной стороны и либеральными пригородами с другой. Однако в случае Сеула ситуация сложнее из-за мозаичности электорального пространства его полупериферии. Некоторые округа попадают в зоны повышенной конкуренции вследствие высокой доли молодого электората в них и низкой доли избирателей «поколения индустриализации». Другие содержат и консервативные, и либеральные районы, уравнивающие друг друга.

Вышеперечисленные типы расположения колеблющихся ИО могут быть дополнены примерами не только конкурентных, но и умеренно конкурентных округов, т.к. они появляются почти в тех же позициях, что и более конкурентные. Например, к типу III можно отнести южный округ г. Чхунчхон, запад г. Вонджу, юг г. Пхёнхэк и г. Анян. К типу VI — районы Сеула Кандонгу и Мапхогу, а также города Кванджу (пров. Кёнгидо), Квачхон, Ыйван, и др. Их также можно назвать потенциально конкурентными, т.к. каждая партия имеет шансы, приложив некоторые усилия, победить в таких округах.

Тип VII. К данной группе относятся и два округа г. Кимхэ в регионе Кёнсан, где электоральная конкуренция крайне редка. Кимхэ — родина 9-го президента РК Но Мухёна (2003–2008 гг.), большая часть политической карьеры которого, несмотря на его кёнсанское происхождение, прошла в либеральном лагере. Еще до прихода в политику Но Мухён, как и его соратник Мун Джэин (12-й президент РК (2017–2022 гг.)), был известным в Пусанском регионе адвокатом. То есть в момент его перехода из консервативного лагеря в либеральный он уже имел известность и популярность в регионе и мог опираться на поддержку части местного электората.

Но Мухён активно участвовал в местной политике, баллотировался в мэры Пусана, а также регулярно выступал с критикой регионализма, агитируя избирателей голосовать, оценивая личные качества кандидатов. На президентских выборах 2002 г. значительная часть жителей его родного Кимхэ и соседнего Пусана поддержала Но Мухёна, а не кандидата от консерваторов, за которых традиционного голосовали на всех предыдущих выборах. Часть электоральной поддержки Но Мухёна перешла и его соратникам, баллотировавшимся от его партии в местных избирательных округах на парламентских выборах.

Тип VIII. Последний тип также отчасти связан с регионализмом. Город Сочхон находится в регионе Чхунчхон и де-факто входит в состав агломерации Кунсана, расположенного в Чолла. Многие жители Сочхона ездят на работу в Кунсан, имеют множество знакомых, живущих в Чолла и массово голосующих за либералов, вследствие чего их собственные электоральные предпочтения также могут склоняться к левым (т.н. эффект соседства). Часть жителей Кунсана переезжает жить в Сочхон, продолжая голосовать за ту же партию.

В итоге часть районов Сочхона становится колеблющейся или умеренно конкурентной. В состав местного избирательного округа входит также сельская местность к

северу от города, уже не подверженная влиянию Чолла. Умеренный либерализм города уравнивается консерватизмом периферии, поэтому округ в целом конкурентный, а средняя разница между уровнями поддержки основных партий на последних трех выборах — менее 3 п. п. (~51 % против 49 %).

* * *

Южнокорейский регионализм определяет конфигурацию электорального рисунка в стране, влияет на долгосрочные изменения в партийной политике и на голосованиях, однако не может воздействовать на краткосрочные изменения в электоральном поведении избирателей. Регионализм исключает из активной электоральной политики южные регионы (Чолла и Кёнсан), сокращая потенциально конкурентные области до Сеульского столичного региона, Канвондо и Чхунчхона.

Именно в северных регионах Республики Корея расположено подавляющее большинство одномандатных избирательных округов, в которых нет однозначной ориентации на ту или иную партию. То есть исход каждых выборов в 2000–2020 гг. решался в крупнейших городах северо-запада страны, электоральное пространство которых подвержено влиянию множества различных факторов, что отличает его от пространства Чолла, Кёнсана и сельской периферии.

В результате работы было выделено восемь типов колеблющихся избирательных округов. Два из них — нетипичные случаи повышенной электоральной конкуренции на юге страны. В остальных шести рассмотрены случаи городских округов Сеульского столичного региона, Канвондо и Чхунчхона. Причина их регулярных колебаний между партиями — нахождение в районах с высокой долей молодого колеблющегося электората между областями повышенной поддержки консерваторов (центры и периферия) и либералов (полупериферия). Особый случай — центральные и наиболее статусные избирательные округа Сеула, где в выборах участвуют самые известные и популярные политики.

Литература

- Андропова Л.А. Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея // *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Исторический факультет ТГУ. Изд-во Томского университета*. 2015. С. 84–92. DOI: 10.17223/9785751123666/7
- Чернецкий Ф.М. Gangnam Style: роль локальной идентичности в электоральном поведении жителей Каннама (Сеул) // *Городские исследования и практики*. 2022. № 2 (7). С. 71–86. DOI: 10.17323/usp72202271–86
- Чернецкий Ф.М. Регионализм как ключевой фактор в электоральных процессах в Республике Корея // *Вестник российского корееведения*. 2022. № 13. С. 67–81.
- Asekere G. The Dynamics and Complexities of Voter Choices in Ghana: A Perspective of Most Populous Swing and Stronghold Constituencies // *The African Review*. 2022. No. 1 (49). Pp. 1–28. DOI: 10.1163/1821889X-bja10022
- Baskaran T., Hessami Z. Political alignment and intergovernmental transfers in parliamentary systems: Evidence from Germany // *Public Choice*. 2017. No. 171. Pp. 75–98. DOI: 10.1007/s11127–016–0398–4
- Beachler D.W. et al. Presidential Swing States: Why Only Ten Matter. Lanham: Lexington Books, 2015. 390 p.
- Demographics and the Future of South Korea // *Carnegie Endowment for International Peace*. June 29, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/29/demographics-and-future-of-south-korea-pub-84817> (дата обращения 27.07.2021).
- Gimm D.W. Fracturing Hegemony: Regionalism and State Rescaling in South Korea, 1961–71 // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. No. 4 (37). Pp. 1147–1167. DOI: 10.1111/1468–2427.12002

- Johnston R.J.* Changing Voter Preferences, Uniform Electoral Swing, and the Geography of Voting in New Zealand, 1972–1975 // *New Zealand Geographer*. 1981. No. 1 (37). Pp. 13–18. DOI: 10.1111/j.1745–7939.1981.tb00934.x
- Kim W.B.* Regionalism: Its origins and substance with competition and exclusion // *Korea Journal*. 2003. No. 2 (43). Pp. 5–31.
- Park J.* The Conservatization of the 386 Generation: Cohort Effects in Voting Behavior of a Political Generation in South Korea. Sanford School of Public Policy, Duke University, 2011. 63 p.
- Republic of Korea. National Electoral Commission. URL: <https://www.nec.go.kr/site/nec/main.do#> (дата обращения: 02.03.2023).
- Shaukat M.* Too close to call: electoral competition and politician behavior in India // *Working Papers*. Department of Economics, MIT, 2019. 67 p.
- Tantri P.L., Thota N.* Effective Democracy and Swing Voters: Evidence Based on Actual Voting Records // *Indian School of Business Research Paper Series*. 2015. 39 p.
- Yea S.* Maps of resistance and geographies of dissent in the Cholla region of South Korea // *Korean Studies*. 2000. No. 1 (24). Pp. 69–93. DOI: 10.1353/ks.2000.0020
- 김욱: 충청 지역주의의 역사적 발전과정과 특성 [Ким Ук. Исторический процесс развития и характеристика Чхунчхонского регионализма] // *정치정보연구*. 2007. No. 2 (10). Pp. 117–134.

Spatial Configuration of Key Parliamentary Constituencies in the Republic of Korea in the XXI Century

Alexander I. Lukyanov

Research Scholar, Department of Human Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University (address: 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0009–0002–3388–7296. E-mail: lukmap@msn.com

Fedor M. Chernetskii

Assistant, Department of Human Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University (address: 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0000–0001–7086–8663. E-mail: fedor.mche@gmail.com

Received 12.05.2023.

Abstract:

This article analyzes electoral competition between key parties in the Republic of Korea. Although the electoral geography of RoK is atypical, the presence of an almost two-party system and the use of single-member districts allow for the analysis of competition in Korean elections in the same context as in more studied countries such as the United States, Canada, and New Zealand. We define the stably swing constituencies in 2000–2020's, their location and factors of high volatility. The overwhelming majority of districts which regularly change their political orientation are located in the north of the country — Capital Region and Chungcheon — where high competition is observed in the largest cities. Electoral differentiation of urban agglomerations is complex and subject to the influence of multiple factors, but several patterns can be identified. A significant portion of swing constituencies are in this state due to their location in transitional zones between areas with high support for candidates from the conservative camp (center and far periphery of the city) and their opponents (suburban semi-periphery). The main factor of differentiation is the electoral divide between different generations of voters. In small cities, the electorate of the main parties balances each other out, resulting in these constituencies regularly changing their party orientation. Some constituencies in the center of Seoul have special significance for both parties, so political heavyweights traditionally run in them, attracting attention to their constituencies and making them swing.

Key words:

Electoral geography, Republic of Korea, parliamentary elections, electoral competition, swing constituencies.

For citation:

Lukyanov A.I., Chernetskii F.M. Spatial Configuration of Key Parliamentary Constituencies in the Republic of Korea in the XXI Century // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 3. Pp. 111–124. DOI: 10.31857/S013128120026255-1.

References

- Andronova L.A.* Formirovanie i evolyuciya regional'noj identichnosti v Respublike Koreya [Evolution of Regional Identity in the Republic of Korea]. *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i social'noj adaptacii v istorii i sovremennosti. Istoricheskij fakul'tet TGU. Izd-vo Tomskogo universiteta*. 2015. S. 84–92. (In Russ.)
- Asekere G.* The Dynamics and Complexities of Voter Choices in Ghana: A Perspective of Most Populous Swing and Stronghold Constituencies. *The African Review*. 2022. No. 1 (49). Pp. 1–28.
- Baskaran T., Hessami Z.* Political alignment and intergovernmental transfers in parliamentary systems: Evidence from Germany. *Public Choice*. 2017. No. 171. Pp. 75–98.
- Beachler D.W.* et al. *Presidential Swing States: Why Only Ten Matter*. Lanham: Lexington Books, 2015. 390 p.
- Chernetskii F.M.* Gangnam Style: rol' lokal'noj identichnosti v elektoral'nom povedenii zhitelej Kannama (Seoul) [The Role of Local Identity in the Electoral Behavior of Gangnam Residents (Seoul)]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. 2022. No. 2 (7). S. 71–86. (In Russ.)
- Chernetskii F.M.* Regionalizm kak klyuchevoj faktor v elektoral'nyh processah v Respublike Koreya [Regionalism as a Key Factor in Electoral Processes in the Republic of Korea]. *Vestnik rossijskogo koreevedeniya*. 2022. No. 13. S. 67–81. (In Russ.)
- Demographics and the Future of South Korea. *Carnegie Endowment for International Peace*. June 29, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/29/demographics-and-future-of-south-korea-pub-84817> (accessed: 27.07.2021).
- Gimm D.W.* Fracturing Hegemony: Regionalism and State Rescaling in South Korea, 1961–71. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. No. 4 (37). Pp. 1147–1167.
- Johnston R.J.* Changing Voter Preferences, Uniform Electoral Swing, and the Geography of Voting in New Zealand, 1972–1975. *New Zealand Geographer*. 1981. No. 1 (37). Pp. 13–18.
- Kim W.B.* Regionalism: Its origins and substance with competition and exclusion. *Korea Journal*. 2003. No. 2 (43). Pp. 5–31.
- Park J.* The Conservatization of the 386 Generation: Cohort Effects in Voting Behavior of a Political Generation in South Korea. Sanford School of Public Policy, Duke University, 2011. 63 p.
- Republic of Korea. National Electoral Commission. URL: <https://www.nec.go.kr/site/nec/main.do#> (accessed: 02.03.2023).
- Shaukat M.* Too close to call: electoral competition and politician behavior in India. *Working Papers. Department of Economics. MIT*, 2019. 67 p.
- Tantri P.L., Thota N.* Effective Democracy and Swing Voters: Evidence Based on Actual Voting Records. Indian School of Business Research Paper Series. 2015. 39 p.
- Yea S.* Maps of resistance and geographies of dissent in the Cholla region of South Korea. *Korean Studies*. 2000. No. 1 (24). Pp. 69–93.
- 김욱: 충청 지역주의의 역사적 발전과정과 특성 [Kim Wook. A Study of Chungchung Regionalism: The Historical Development and Main Characteristics]. *정치정보연구*. 2007. No. 2 (10). Pp. 117–134. (In Kor.)